

4. Уяўленні Мацея Казіміра Сарбеўскага аб семантыцы выказвання. Назіранні Сарбеўскага над семантыкай звязаны з даследаваннем адмысловых выказванняў, у якіх аўтар трактата бачыць феномен «вастрыні». Пад «вастрынёй» Сарбеўскі разумее семантычную анамалію, створаную праз наяўнасць лагічнай супярэчнасці або праз сцвярджанне анталагічна немагчымых з'яў.

Суаднесенасць выказвання з рэчаіснасцю асэнсоўваецца Сарбеўскім у тэрмінах «адпаведнае» і «неадпаведнае». Аўтар трактата канстатуе магчымасць адначасовай «адпаведнасці» і «неадпаведнасці» выказвання рэчаіснасці. Такім чынам, Сарбеўскі ўсведамляе магчымасць дваістай (даслоўнай і недаслоўнай, абсурднай і прымальнай) інтэрпрэтацыі выказвання. Пры гэтым у трактаце называюцца разнастайныя псіхічныя эфекты («здзіўленне», «задавальненне»), якімі суправаджаецца адкрыццё чытачом/слухачом даслоўнай і недаслоўнай інтэрпрэтацыі семантычнай анамаліі.

ЛІТАРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 598–628.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 94–106.
- Жигадо Е.Ю. Парадоксальные высказывания в англоязычном художественном дискурсе: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2006.
- Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1997.
- Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 333–349.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Парадокс // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 477–478.
- Прыстаўка Я.У. Імёны антычных аўтараў у лацінскім трактаце М.К. Сарбеўскага «Аб вастрыні і досціпе» (1619/1623): з кім звязваў Сарбеўскі вытокі сваёй канцэпцыі досціпу? // Весн. БДУ. Сер. 4. 2006. № 1. С. 9–14.
- Семен Г.Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985.
- Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 399–405.
- Ołtwinowska B. «Concors discordia» Sarbiewskiego w teorii konceptyzmu // Pamitnik literacki. 1968. № 3. S. 81–110.
- Sarbiewski M.K. Wykady poetyki (Praecepta poetica). Przeioyi i opracowai Stanislaw Skimina. Wroclaw; Krakow, 1958.

Пастуніў у редакцыю 30.09.07.

Ягор Уладзіміравіч Прыстаўка – аспірант кафедры тэарэтычнага і славянскага мовознаўства. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, прафесар Н.Б. Мячкоўская.

О.В. ЗУЕВА

РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА XI–XVII вв. КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются актуальные аспекты комплексного изучения эпистолярных текстов XI–XVII вв. как памятников русского языка. Обоснован единый жанровый подход к анализу писем. Определены интегральные и дифференциальные признаки источников, предложена типология текстов.

The article reveals actual aspects of complex studying of XI–XVII c.c. epistolary texts as the monuments of Russian. United generic approach to the textual analysis is substantiated. Integral and differential signs of the sources are defined; typology of the letters is proposed.

Количество текстов, являющихся эпистолярным наследием средневековой Руси в его содержательном и стилистическом разнообразии, значительно. Постановка цели их комплексного историко-лингвистического исследования предполагает изучение языка новгородских берестяных грамот наравне с языком учительных посланий, композиции полемических писем высокообразованных представителей своей эпохи наряду с композицией бытовых помещичьих грамот, стилистики частной царской и хозяйствен-

ной монастырской переписки и т. д. О сомнительности такого объединения пишет Д.М. Буланин, и его критика справедлива в том, что при рассмотрении эпистолярного жанра как жанра литературы при анализе художественного своеобразия текстов, «которые облечены в форму письма» (Буланин 2004, 229), даже при учете общепринятого положения о функциональном характере древнерусской литературы является неоправданным помещением в один ряд, например, послания Федора Карпова митрополиту Даниилу, посвященного проблеме устройства справедливого государства, и бытового письма Василия III жене.

Предлагаемый нами лингвистический подход к изучению эпистолярных источников тем не менее требует привлечения текстов широкого тематического и стилистического диапазона и протяженных временных границ, что обусловлено указанной целью исследования. Проводимое в рамках исторической стилистики, оно включает следующие аспекты.

1. *Анализ структурно-композиционных особенностей писем*, общих или частных для отдельных их жанровых разновидностей, а также отличающих письма от сходных по содержанию памятников других жанров или сближающих с ними. Процедура описания структуры текстов основана на выделении в них относительно самостоятельных смысловых блоков (приветствие, констатация получения письма адресата, высказывание по поводу получения письма, сообщение адресанта о себе и т. д.) с установлением способов их вербальной презентации (к одному блоку могут принадлежать обороты разного содержания, лексико-грамматического выражения и степени клишированности) и выявлении типичного набора формальных средств интеграции эпистолярного текста (связывающие смысловые блоки служебные конструкции, выражения, маркирующие завершение одной темы и переход к другой, и др.). Необходимо отметить, что смысловой блок – понятие более общее, чем текстовая формула, и не равнозначное традиционно противопоставляемым этикетной и собственно информативной частям письма.

2. *Анализ языка* отдельных групп эпистолярных текстов с точки зрения отражения в нем книжной, деловой и народно-разговорной стихий, системно-языковых стилистических коннотаций, или изучение стилистики ресурсов (см. Кожина 1993). Известно, что соотношение книжных и не книжных элементов в языке памятника зависит от его культурного статуса и предмета изображения, однако не все разновидности писем, обслуживающие различные сферы общения, рассматриваются нами как а priori реализующие языковые средства, адекватные исключительно этим сферам (ср., например, язык бытовой переписки церковных и светских лиц). Удалось установить, что важным параметром при характеристике языковой единицы является учет смыслового блока, в котором употреблена данная лексема, морфологическая форма, синтаксическая конструкция.

3. *Анализ языковых средств с точки зрения цели их выбора пишущими*, или наблюдение над функционально-коммуникативной спецификой писем (стилистика употребления (см. Кожина 1993)). Выявление экспрессивно-маркированных языковых единиц должно служить анализу их употребления: констатируя наличие у слова стилистической окраски, необходимо выяснить, в каком письме оно употреблено, в какой смысловой части текста, входит ли оно в состав клишированной конструкции или нет, и, суммируя наблюдения, предположить причину авторского выбора. В рамках данного анализа также устанавливаются способы презентации коммуникантов, закономерности введения прецедентных текстов и использования интенсификаторов вежливости как составляющих этикет эпистолярного общения.

Изучение писем XI–XVII вв. в названных направлениях отражает невозможность для современной исторической стилистики изолированного описания структурных, ресурсных или коммуникативных характеристик источ-

ника вне учета их единства. Обращение к диахроническому сопоставительному анализу достаточно разнообразного материала (семейная переписка, хозяйственно-деловая, служебная; письма-протекции, распоряжения, поучения и т. д.) позволяет проследить эволюцию жанрово-стилистических особенностей писем в истории русского литературного языка.

Определение круга источников непосредственно зависит от понимания терминов «жанр» и «эпистолярный жанр». В историческом языкознании устоялось понятие «жанр письменности», обозначающее определенный тип текста, применимое ко всем памятникам, как деловой, так и неделовой (книжной) принадлежности (см. обороты «жанр письменности» (Зализняк 1987, 147), «жанр словесности» (Верецагин 2001, 500)). Такое понимание жанра отличается от подходов, представленных в стилистике современного русского языка, теории речевых жанров, литературоведении. Термин «эпистолярный жанр» используется во многих работах по историческому языкознанию, при этом одни авторы рассматривают те или иные виды писем как отдельные эпистолярные жанры: «частная переписка» (Панкратова 1969, 127), «духовное письмо» (Каширина 2007, 74); другие считают единым жанром всю совокупность текстов (см. Тарабасова 1964). Разделяя второй подход, мы обращаемся к эпистолярному жанру как устойчивой текстовой модели, допускающей широкие возможности своего конкретного воплощения, и понимаем под таким текстом произведение письменной речи, созданное с целью осуществления дистантного межличностного (т. е. не межинституционального, вне сферы законодательной, делопроизводственной или дипломатической деятельности) общения и потому неизбежно грамматически и прагматически ориентированное на второе лицо – конкретного адресата (не вымышленного или обобщенного), обладающее стереотипной композицией и реализующее систему принятых в данное время коммуникативных формул.

Не являясь юридическими документами, письма лишены свойства обязательности. Введение параметров «межличностное общение» и «необлигаторность» помогает отграничить отдельные разновидности писем от документов, имеющих с ними некоторую композиционную и стилистическую близость: верительные и подорожные грамоты, окружные церковные послания, отписки и др. В литературе отражены различные взгляды на противопоставление эпистолярных памятников документам, например, С.М. Каштанов относит письма, адресованные приказчикам, к частноправовым актам, послания церковных иерархов – к агитационно-распорядительному виду публично-правовых актов (см. Каштанов 1988, 151–152); И.А. Подтергера указывает, что к эпистолярному наследию Симеона Полоцкого принадлежат «его собственные... частные письма, официальные прошения, ходатайства, челобитные» (Подтергера 2000, 3). Приведенные точки зрения не вполне оправданы как редуцирующие круг источников или, напротив, чрезмерно его расширяющие.

К лингвистическому анализу среди прочих текстов мы привлекаем послания, традиционно определяемые как «литературные» (отдельные сочинения Феодосия Печерского, Нила Сорского, Иосифа Волоцкого и др.), что объясняется наличием у них выделенных нами признаков эпистолярного жанра. «Литературность» средневекового текста заключается не в принадлежности его к особой эстетической системе (как в современной культуре – к области художественной литературы), а в степени его книжной обработанности, риторической украшенности. В этом смысле переписка Федора Карпова с Максимом Греком, послания Нила Сорского и Иосифа Волоцкого действительно оказываются литературными памятниками, возникшими тем не менее как средство осуществления актуального для коммуникантов общения (ср. замечание «следует отличать бытовое письмо, осознанное как литературный факт, от письма с заведомо литературной функцией» (Каши-

рина 2007, 73)). Художественно обработанные послания ярко отражают двойственную природу эпистолярного жанра, имманентно находящегося «на грани между литературой и бытом», и свидетельствуют о том, что, с одной стороны, вся система жанровых разновидностей писем «никогда не умещалась в рамках “деловой” (некнижной. – О. З.) письменности» (Буландин 1984, 122), с другой – что в самых ее высокохудожественных образцах «никогда не затушевывалась связь с жизнью человека» (Попова 1974, 181), т. е. эпистолярные тексты не утрачивали своего практического назначения.

От эпистолярных текстов, в свою очередь, следует отличать сочинения, названные авторами или переписчиками «посланиями», однако относящиеся к ораторской прозе (например, послание царя Алексея Михайловича на Соловки). Созданные не для общения, а для сообщения и воздействия, не являясь фрагментом переписки, они не обладают ожидаемым комплексом композиционных, языковых и функциональных признаков писем и потому не включаются в анализируемый материал.

Целостное изучение памятников эпистолярного жанра не означает недифференцированное, что определяет необходимость создания *типологии* текстов. Предлагаемая нами типология, исходящая из указанного выше понимания эпистолярного жанра, основана на учете двух экстралингвистических параметров: 1) характера отношений между адресантом и адресатом – с точки зрения постоянных, не зависящих от данного акта коммуникации аспектов: наличия родственной, дружеской или служебной связи, степени близости, уровня знакомства; 2) содержания общения, обусловленного интенцией отправителя. В соответствии с этими признаками в составе анализируемых источников выделяются три группы эпистолярных текстов, объединяющие три типа писем: *частные неофициальные, частные официальные, официальные*. Определение письма как официального или неофициального не отражает наличия или отсутствия у текста связи с юридической сферой деятельности. Каждый тип представлен различными видами писем, отдельные виды – разновидностями.

Частные неофициальные письма создавались из потребности общения членов одной семьи, близко знакомых, состоящих в тесном контакте лиц и обслуживали сферы как повседневных, бытовых, так и надбытовых взаимоотношений. К частной неофициальной переписке принадлежат следующие виды писем. 1. *Частные бытовые* – содержание не выходит за рамки обсуждения событий повседневной (мирской или церковной) жизни коммуникантов. 2. *Частные деловые* письма, посвященные хозяйственным вопросам и содержащие информирование о совершаемой работе, распоряжения, жалобы, протекции и т. п. 3. *Этикетно-фатические* – семейные или дружеские послания, передающие не столько актуальную, сколько контакто-устанавливающую информацию (нередко вообще лишенные первой). 4. *Частные письма интеллектуального содержания*, в которых отражены беседы хорошо образованных людей по моральному, социально-этическим, книжным вопросам. 5. *Духовные* послания – переписка религиозно-нравственного содержания церковных служителей с лицами, принадлежащими светскому миру или церкви. Данный вид частного письма отличается от прочих специальным моделированием образа автора и получателя (характер фактических взаимоотношений нивелируется демонстрацией близости духовных отцов и духовных «чад») и ритуальностью выражаемой эпистолярной ситуации: митрополит Никифор пишет в послании Владимиру Мономаху о посте (к. XI – нач. XII в.): *И сего ради дръзнухом мы, яко уставъ есть церковныйи и правило – въ время се и къ княземъ глаголати что полезное* (Понырко 1992, 70). Разновидности духовных посланий: *послание-поучение; вопрошание и ответ на вопрошание; утешительное послание, исповедная грамота*.

К частным официальным посланиям мы относим тексты, отражающие общение знакомых, однако придерживающихся социальной и коммуникативной дистанции людей, по крайней мере один из которых является представителем светской или церковной власти (что обязательно учитывается адресантом), посвященные лично и общественно значимой проблематике. Данные памятники обнаруживают отдельные содержательные и стилистические признаки частных писем, соотносимы также с ними в основных видах, однако характер взаимоотношений участников переписки выявляется именно как официальный (например, послание архиепископа Ионы митрополиту Феодосию, 1464 г., главным содержанием которого является выражение адресантом согласия на избрание нового киевского митрополита, сопровождаемое информацией частного характера: благодарностью адресату за приветствия, одобрением его службы, жалобой на болезнь).

Определение письма как *официального* отражает полное отсутствие интимно-личностных отношений между адресантом и адресатом, принадлежавших к высшим социальным кругам или приближенных к ним, и сосредоточенность переписки на обсуждении событий, наделенных общественной важностью и находившихся в непосредственной компетенции коммуникантов. Адресант и адресат официальных писем выступают как представители властных иерархий, носители определенных обязанностей и прав, что, однако, не отменяет межличностного (на соответствующем уровне) характера их общения. К этому типу писем относятся следующие виды. 1. *Деловые*, посвященные внутреннеполитическим вопросам, побуждавшие адресата проявить данные ему служебные полномочия. Их специфика заключается в способности косвенно каузировать возникновение юридических текстов. 2. *Пастырские воодушевляющие*, создававшиеся представителями церковной власти по случаю военного похода князя и адресованные ему как носителю власти светской: послание архиепископа. 3. *Фатические*, связанные с придворным церемониалом, демонстрировавшие расположенность адресанта к адресату.

В рамках данной типологии не выделяются публицистические письма, так как признак публицистичности связан с принципиально иными, нежели характер отношений коммуникантов и содержание общения, критериями, и в анализируемый период публицистическое звучание могло приобрести любое письмо образованного человека, посвященное общественной проблематике. И наоборот, всякое послание, квалифицируемое в литературе как публицистическое, может быть отнесено к тому или иному виду частного неофициального, частного официального или официального письма.

Таким образом, определена граница текстов, подлежащих лингвистическому историко-стилистическому изучению. Указанные типы, виды и разновидности писем представляют эпистолярный жанр русского средневековья в его функциональном и содержательном многообразии. К их интегральным жанрообразующим признакам относятся: стереотипность структурно-композиционных схем, реализация интенции межличностного общения, этикетность, необлигаторность. Дифференцирующими собственно лингвистическими признаками писем являются частная структура текста, принадлежащего к данному типу письма, и ее языковое наполнение в их экстралингвистической обусловленности. Диахронический структурно-композиционный и собственно языковой (ресурсы и употребление) анализ памятников осуществляется в соответствии с данной типологией, что позволяет выявить степень «закрытости» и «проницаемости» текстов внутри каждого типа и установить уровни (в первую очередь – лексико-фразеологический – через описание системы эпистолярных формул – и синтаксический) межтипологического взаимодействия, релевантные для каждого этапа истории языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Буланін Д. М. Корпус древнерусских эпистолярных памятников на немецком языке // Русская литература. 2004. № 3. С. 225–232.
- Буланін Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984.
- Вережанин Е. М. Церковнославянская книжная письменность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
- Зализняк А. А. Текстовая структура древненовгородских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 147–182.
- Каширина В. В. Феномен духовного письма // Русская словесность. 2007. № 1. С. 73–79.
- Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.
- Кожина М. Н. Статус исторической стилистики // *Stylistika II. Przemiany stylowe*. Opole, 1993. С. 15–31.
- Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 127–156.
- Подтергер И. А. Письма и послания Симеона Полоцкого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
- Понько Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования. Тексты. Переводы. СПб., 1992.
- Попова Т. В. Византийская эпистография // Византийская литература. М., 1974. С. 181–230.
- Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 157–173.

Поступила в редакцию 24.05.07.

Ольга Владимировна Зуева – аспирант кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. И. Янович.

С. В. МІЛАЧ

ЦІ ТРЭБА ВОЎК НА НЕБА: ВОБРАЗ ВАЎКА Ў ФРАЗЕАЛОГІІ БЕЛАРУСКАЙ І НЯМЕЦКАЙ МОЎ

На основании сравнительного анализа семантики устойчивых единиц с компонентом *волк* белорусского и немецкого языков показывается количественное преобладание данных ФЕ в белорусском языке и их более выразительная качественная интерпретация.

The article is based on the comparative analysis of the semantics of the stable units with the component *wolf* in the Belorussian and German languages and reveals the quantitative predominance of these phraselogical units in the Belorussian language and their more expressive qualitative interpretation.

Фразеалагічныя адзінкі (ФА) з заакампанентам складаюць асобную групу фразеалогіі. Хаця іх вобразнай асновай з'яўляюцца жывёлы, амаль усе гэтыя адзінкі гавораць пра паводзіны і якасці самога чалавека. Пры гэтым вялікую ролю адыгрываюць тыя асацыяцыі, што выклікаюць назвы жывёл у прадстаўнікоў розных народаў. Так, у фразеалогіі беларускай і нямецкай моў устойлівыя адзінкі з заакампанентам утвараюць значны пласт: больш за 1200 адзінак у беларускай і каля 1200 у нямецкай мовах.

Паспрабуем разгледзець ФА беларускай і нямецкай моў з кампанентам *воўк* / *воўчы*, правесці аналіз іх семантыкі, параўнаць унутраны вобраз ФА дзвюх моў з мэтай выяўлення магчымага падабенства і нацыянальнай спецыфікі ва ўспрыманні ваўка беларускім і нямецкім народамі.

Выбарка беларускіх ФА праводзілася па асноўных фразеалагічных даведніках (слоўнікі І. Я. Лепшава, Ф. М. Янкоўскага, Е. С. Мяцельскай і Я. М. Камароўскага, Г. Ф. Юрчанкі, З. Ф. Санько, М. А. Даніловіча і інш.), а таксама па тлумачальных слоўніках беларускай мовы. Апісваюцца фразеалагізмы нямецкай мовы, зафіксаваныя ў фразеалагічных даведніках і перакладных слоўніках.

Сярод дзікіх жывёл воўк стаў самым папулярным вобразам у беларускай фразеалогіі (55 ФА з кампанентам *воўк* / *воўчы*). Пэўнае месца займае заонім *Wolf* – *воўк* і ў групе нямецкіх ФА з кампанентамі-назвамі дзікіх жывёл (13 ФА).

З даўніх часоў у большасці народаў Еўропы воўк лічыўся сімвалам драпежніка, лютага ворага. Гэты звер служыць таксама сімвалам злосці, пражэрлівасці, сквалнасці, прагнасці.